

катойконима «тюменец». Сохранив большинство из перечисленных выше положительными качеств, определяющих ментальное пространство тюменского обывателя, ассоциативные семы, такие как «стабильность», «достаток», «заработок», «успех», «труд», «семья», «духовность», «прогресс», «патриотизм», «свобода», «вседозволенность» и под. занимают все больше места в народном самознании, что легко обнаруживается в местных средствах массовой информации. Любопытно, что в недавно вышедшем «Кратком словаре топонимов и топонимических ассоциаций» И. С. Карабулатовой со словом «Тюмень» зафиксированы ассоциативные знаки: **столица деревень** (12), **пельмени** (5), **деревня** (1), **грязь** (1), **тюлень** (1), **мой город** (1), **родина** (1), **Сибирь** (1), **нефть** (1), **газ** (1), **дыра** (1), **камень** (1), **болото** (1), **медвежий край** и под. [Карабулатова 2002: 98]. Приведенные ассоциативные семы, за небольшим исключением, не дают объективного представления о языковом самосознании тюменца, скорее всего, отражая представление о г. Тюмени и об образе тюменца иногороднего жителя.

Столь очевидное несовпадение содержания концепта «тюменец» как внутри-, так и внепроживающего в регионе субъекта мысли связано, видимо, с различием когнитивной компетентности, уровней его духовного развития, порядочностью и профессионализмом. Одно несомненно, что имя «*тюменец/тюменка*» обеспечивает все признаки концептов **«русская душа», «русский характер», «надежный сосед», «мирный житель», «терпеливый трудоголик».**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЯ

БСИС – Большой словарь иностранных слов / Сост. А. Ю. Москвин. М., 2001.

Карабулатова И. С. Краткий словарь топонимов и топонимических ассоциаций. М., 2002.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.

Русский мир: Сборник статей: В 2 ч. Ч. 1. Пермь, 2005.

Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998.

МАРИЯ
АЛЕКСЕЕВНА
РОМАНОВА,
ВАЛЕНТИНА
АНАТОЛЬЕВНА
ЗАКРЕВСКАЯ

ФОРМЫ ИНФИНИТИВА ГЛАГОЛА В РУССКИХ ГОВОРАХ СЕВЕРНОГО ЗАУРАЛЬЯ

В статье рассматриваются варианты инфинитивных форм в русских старожильческих говорах Северного Зауралья, причины их возникновения и география распространения.

Инфинитив, как известно, принято считать исходной формой глагола, и если при написании словарей литературного языка обычно не вызывает затруднений восстановление данной формы, то, по замечанию исследователей, в лексикографической практике составителей диалектных словарей «реконструируемая форма инфинитива подчас противоречит иллюстративным формам (например, в статье **зубить** приводится форма *зубела*, возможная лишь от глагола на *-еть...*)» [Толстая 2004: 156]. В связи со сказанным представляется актуальным описать уже выявленные в надежных контекстах формы инфинитива с раз-

ными типами основ, что позволит избежать ошибок в соотнесении этих форм со спрягаемыми глагольными формами в словарных материалах.

Задача данной статьи — выявить варианты суффиксов инфинитива глагола в русских старожильческих говорах Северного Зауралья, отметить специфику географического размещения противопоставленных форм.

Изучение русских говоров по нижнему Иртышу, Оби и Конде велось путем непосредственного наблюдения диалектной речи в течение 12 лет (1967–1979 гг.). Анализировалась речь представителей старшего поколения, носителей архаического (традиционного) слоя говоров. Для сравнения привлекалась речь представителей других возрастов.

Процесс образования русских говоров по нижнему течению Иртыша, Оби и Конды неоднородный с точки зрения историко-этнографических условий их формирования. Заселение территории данного региона русскими началось в конце XVI в. после постройки городов Березова (1593), Сургута (1594), Обдорска (1595) и Самаровского яма (1637). Говоры по нижнему течению Иртыша и Конды (иртышско-кондинские) имеют монодиалектную основу. Они сформировались на базе различных (преимущественно вологодских, вятских, пермских и др.) севернорусских говоров. Говоры по нижней Оби (кроме участка от с. Селиярова вниз по Оби до д. Сухоруковой, заселенного самаровскими ямщиками) являются говорами с полидиалектной основой. Березовско-обдорские и сургутские говоры сложились в результате взаимовлияния севернорусской, среднерусской и частично южнорусской систем.

В русских старожильческих говорах Северного Зауралья формы инфинитива образуются с помощью суффиксов: *-ть, -ти; -сть, -сти; -чи, -чь.*

Суффиксы *-ть, -ти*

Продуктивным суффиксом в исследуемых говорах при ударении на основе является *-ть*. Он встречается после инфинитивных основ на *-а*: *читАть* (Бел., Ал., К.), *гуляТЬ* (Акс., Елш., Пм.), *загарАть* (Б., Лм.), *полевАть* (Бг., Л-Ф.), *замитАть* (Срг., Пл., Пм.); на *-и*: *паглАдить* (Б., Срг., Кшн.), *скаблИть* (Н-Нр., Лк.); на *-ну*: *сОхнуть* (М-А., З., Пл.) и т. д. Оформление инфинитива на *-ть*, объясняемое исторически утратой конечного неударного *и*, характерно для речи лиц всех возрастов.

Лишь изредка в речи лиц старшего возраста в инфинитиве при ударении на основе сохраняется суффикс *-ти*. Он зафиксирован после основ на *-е* корневое: *подогрЕти* (*чАйник нАдо подогрЕти* — Сем.), *умЕти* (*сАмо послЕдно дЕло не умЕти шЫтса* — Уш.); на согласный: *лЕсти* (Ц., Чиб.), *слЕсти* (*с кЕдра слЕсти* — Ц.), *залЕсти* (Гп.), *вылести* (Сух., Лш.), *грысти* (*сухарИ зачелА*

ГОРОДСКИЕ МИФЫ ТЮМЕНСКИХ ХУДОЖНИКОВ

На страницах этого номера представлены работы художников, принадлежащих разным поколениям, работающих в различных техниках, стилях, направлениях. Произведения авторов воочию демонстрируют, насколько неповторимым и уникальным оказывается восприятие города, впечатление от того места, в котором они живут и творят. Обусловленность временем и запросами эпохи; влияние материала, с которым работает художник; индивидуальный характер и своеобразие творческой манеры — вот лишь немногие факторы, под воздействием которых складывается оригинальность художественного стиля каждого из мастеров. Гидонас Барилкис приехал в Тюмень в 1957 г. после окончания Вильнюсского художественного института. Он появился здесь первым из профессиональных художников, откликнувшихся на пафосный призыв правительства осваивать дальние просторы необъятной родины. Его ранние работы созданы по канону того времени: четкие ритмы композиции, brutальный облик героев — покорителей Севера, лаконичные формы, обобщенные силуэты.

Художник использовал все приемы распространенного тогда «сурового» стиля, за исключением цветового решения. Живописец отказывается от традиционного сдержанного колорита и прибегает к яркой насыщенной гамме. Наряду с героическими полотнами в творчестве Барилкиса возникает еще одна тема — бытовые сюжеты, выполненные в хантыйских поселках, на стойбищах, отличающиеся легкостью, живостью и свободой. Созданные в последующие десятилетия пейзажи сохранили ту же непосредственность первого впечатления, благодаря чему возникает ощущение нетронутой, непо тревоженной природы. Автопортрет «До свидания, Тюмень!» был написан по поводу предполагаемого, но не состоявшегося отъезда. Город, над которым парит художник — местечко, которое не является родиной по рождению, но родиной, связанной с самыми значимыми событиями жизни. Это город, подобно Витебску Шагала, сохранивший все воспоминания, и он навсегда останется в сердце, где бы ни жил художник, где бы ни оказался волею судьбы.

грЫсти — Р., сИмички даВАй грЫсти — Шм., ро-бЁнку фсё нАдо чЁ-то грЫсти — Л-Ф.). Ср. ошибку в тетради школьника: «Лезти было высоко» (Ц., 4 кл.). Это явление в данных говорах представляет архаическую черту.

Формы инфинитива на -ти при ударении на основе составляют яркую особенность некоторых говоров севернорусского наречия. «Переход окончания инфинитива -ти в -ть, — пишет Л. А. Булаховский, — явление очень давнее, но, по-видимому, охватившее не все говоры древнерусского языка. Известно -ти и до сих пор ряду севернорусских говоров» [Булаховский 1953: 211]. Как отмечает С. П. Обнорский, формы на -ти безударное являются специфической чертой говоров Вятского края. Сохранение неударяемого и в суффиксе инфинитива он связывает с «особенностями общей произносительной системы Вятчины, которой свойственна специфичная ритмичность речи и, в частности, растяжение конечных основ» [Обнорский 1953: 175]. Формы инфинитива у глаголов типа *лЕсти, грЫсти* (с основой на согласный) встречаются в других говорах Сибири [Молотилов 1960: 222]. Сохранение безударного и в указанных формах В. Н. Светлова фиксирует в окающих говорах южных районов Тюменской области [Светлова 1965: 9].

Под ударением, как и в литературном языке, в формах инфинитива после основы на согласный выступает -ти: *пастИ, нестИ, поднестИ* (Бт., Кн.), *уве<з>тИ* (*мОжно в лОтке рыбу-то увести — Л-Ф.*), *заве<з>тИ* (*с Осени нАдо было на сИвер картОшку-ту завести — Тр.*), *принестИ* (Сем., Лш.), *уполстИ* (Ел.), *спастИ* (*не могли йево спастИ — Зв.*) и под.

В русских говорах Ханты-Мансийского (б. Самаровского) и Кондинского районов, как и в нормированном языке, в речи представителей всех возрастов наблюдается употребление формы *итти*: *итти порОбить йишшО* (Сл.), *кАк итти-то туды* (Ал.), *сЕдни нЕкуды итти* (Зв.), *по йЭтому жо мЕсту итти* (Чмб.), *софсЕм итти не могу* (Шм.), *йЭтой тропИнкой и итти к прИстане-то* (Мл.). «На Севере и в Сибири форма *итти*, — пишет П. Я. Черных, — во многих говорах является единственной и притом старинной формой инфинитива от *иду*, существующей уже несколько столетий и, следовательно, возникшей вне какого-либо влияния современной литературной речи» [Черных 1948: 50]. По его наблюдениям, инфинитивная форма *итти* «является характерной особенностью севернорусских (северновеликорусских) говоров северо-востока Европы» [Там же].

В приставочных глаголах формы с двойным *т'* возникли в результате ассимиляции *йс т'* и сохраняют ударение на суффиксе: *утти* (Ал., Стн.), *притти* (Р., Нкл.), *протти* (Сем.), *оботти* (Т.), *ототти* (Гп.), *подотти* (Уш.), *дотти* (Л-Ф., Кн.), *затти* (*нАдо к йэмЯ по литОфку-ту затти — Чмб.*), *потти* (*собираЛася по воду потти — Шм.*) и т. д.

Подобные формы свойственны соседним березовско-обдорским говорам: *итти* (Б., Ш.), *абатти* (Б., Кш.), *ататти* (Б., Плн., М.), *затти* (Б., Окт., Ч.) *потти* (Б., М-А.) и под.

Сохранение двойного мягкого *т'* у всех глаголов, производных от *итти*, наблюдается во многих окающих старожильческих говорах Тюменской области (нижне-тавдинских, ярковских, тобольских, уватских и др.). Исключительное распространение глаголов типа *нести*, *везти*, *идти* сближает иртышско-кондинские говоры с говорами северо-восточной зоны [Захарова, Орлова 1970: 93], с говорами среднеуральской группы северного наречия [Турбин 1969: 33].

Как и в литературном языке, в кондинских и самаровских говорах употребление суффикса *-ти* в непродуктивных глаголах наблюдается и при перенесении ударения на приставку: *вынести* (Уш., Чмб., Сем.), *вытрести* (Лш., Р.), *выве<з>ти* (*сенсО-то до морОзов бы вывести* — Стн., *собрАлса назЕм из огорОду вывести* — Сем.) и под.

В сургутских говорах отмечаются формы инфинитива без конечного *и* у глаголов типа *нести* и производных. Например: *нести*, *принЕсть* (*принЕсть вадЫ наДа* — Тн., *ни принЕсть тибЕ столь зарАс* — Пм.), *пиринЕсть* (Пм.), *паднЕсть* (*к сАмаму рОту паднЕсть наДа* — Тн.), *патрЕсть* (*патрЕсть сУмку наДа прачИстить* — Лм.), *вынисть* (*ничЕ не успЕли вынисть* — *вмиг загарЕлась* — Кшн.), *вытристь* (*палавИк вытристь застАвила йэвО* — Пл.), *выви<з>ть* (*ни смогЛА за лЕто из лЕсу вывисть драВА-та* — Кшн.) и под. Изредка данные формы встречаются в березовско-обдорских говорах: *занЕсть* (Шх.), *привЕ<з>ть* (*ис ТобОльска привЕсть тЕшшу лАдит* (Плн.), *вынисть* (*тарапИлись вынисть фсе дакумЕнты, как фантАн горЕл* — Б.).

Формы инфинитива типа *нести* свойственны говорам южнорусского наречия [Аванесов 1949а: 225; Захарова, Орлова 1970: 54] и части среднерусских говоров [Захарова, Орлова 1970: 143]. В. И. Чернышев отмечает данное новообразование в народных говорах некоторых селений Московского уезда [Чернышев 1901: 27]. Указанные формы Л. И. Баранникова относит к фонетическим новообразованиям, возникшим «в силу перемещения ударения» [Баранникова 1955: 382]. «Распространение подобных форм в окающих говорах, — пишет она, — заставляет искать причины подобного переноса в связи со всей акцентологической системой южнорусского наречия, как известно, представляющей значительное своеобразие по сравнению с системой севернорусской» [Баранникова 1955: 383].

Смещению и закреплению ударения на основе могло способствовать аналогическое воздействие форм прошедшего времени муж. рода: *занЕс* — *занЕсть*, *принЕс* — *принЕсть*, *паднЕс* — *паднЕсть* и под. По мнению Л. А. Булаховского, «префиксальные инфинитивы легче подвергаются влиянию ударения форм изъявительного наклонения, чем непрефиксальные...» [Булаховский 1953: 211]. О влиянии форм прошедшего времени муж. рода на возникновение форм типа *принести* свидетельствует форма *патрести*, где

Ирина Герман родилась в Тюмени и выросла в одном из тех домов старого города, что обильно украшены деревянной резьбой и окружены высокими, великанскими тополями. Ее любимый материал — шамот, в котором Ирина легко воспроизводит фактуру потрескавшегося дерева, прозрачность и легкость птичьего пера, мягкость и пышность травы и листвы. Художница постоянно возвращается к образу полуразрушенного, обветшалога, оставленного жильцами дома, дома-призрака, ставшего обиталищем птиц, сросшегося с заброшенными огромными деревьями. Ностальгическое, щемящее чувство от вида пустых окон, заколоченных дверей, провалившейся крыши не превращается в творчестве И. Герман в безнадежную тоску. Горькое ощущение утраты сменяется ожиданием тайны, поселившейся в этих забытых домах после того, как их покинули люди.

На наших глазах дом прорастает цветами, превращается в птицу, «как будто душа гибнущего дома стремится оторваться от грешной земли и отправиться в вечное странствие, вслед за людьми, когда-то покинувшими дом, но хранящими его в памяти как часть прожитой жизни». Так сказала автор об одной из своих работ под названием «Вечный странник». Новые декоративные композиции, не связанные со старой Тюменью, тем не менее отсылают к глубоким традициям, к народному творчеству, потому что керамист И. Герман разворачивает пластику предметов подобно тому, как вырастают органические природные формы. Ее композиции гармонично вписываются в пейзаж, производят впечатление какой-то захватывающей древности, в то же время они чрезвычайно современны.

под ударением выступает гласная /e/, а не /'a/: *патрѐс – патрЕсти > патрЕсть*.

В настоящее время наряду со специфически диалектными формами инфинитива без конечного и у глаголов типа *нести* и у производных глаголов (как с безударным, так и ударным префиксом) в сургутских и березовско-обдорских говорах употребляются формы, сходные с литературным языком: *ниСТИ, приниСТИ* (Срг., Тн.), *пириниСТИ* (Пм.), *патриСТИ* (Кшн., Лм., Ст., Пл., Тн.), *ви<з>ТИ, уви<з>ТИ* (Срг., Тн.), *заниСТИ* (Ш.), *приве<з>ТИ* (Плн.), *выІтристи* (Пл., Ст.), *выІнисти* (Б., Кшн., Лм., Тн.), *выІви<з>ти* (Кшн., Тн.). Появление указанных форм можно объяснить влиянием не только литературного языка, но и соседних самаровских и кондинских говоров. Об этом свидетельствует наличие диалектных форм *лЕ<з>ти* и *залЕ<з>ти*, отмеченных в ряде сургутских и березовско-обдорских говоров: *наДа выІшэ лЕсти* (Кшн.), *почЕ лЕсти ни ф свойО дЕла* (Слх.), *залЕсти* (Н-Нр., Плн., Шх., Ст.). Известны также формы с упрощением конечного с'т': *пра-лЕсь* (*не смОжэш тудА пралЕсь* – Ст.), *залЕсь* (*он и ф тО мЕста сумЕд залЕсь* – Срг.). Проникновение специфически диалектных черт, характерных для самаровских и кондинских говоров, лишней

раз свидетельствует об активном процессе междиалектного контактирования.

В сургутских говорах у глагола *итти* и производных от него в речи лиц старшего возраста появляется вторичный элемент инфинитива *-ть*. В связи с этим суффикс принимает вид *-тить*: *накАзана иттИть карОву даИть* (Кшн.), *мОжно иттИть* (Тн.), *иттИть ни идѐт и рОбить не рОбит в даму* (Лм.), *иттИ ф кино или не иттИть мне* (Пл.), *наттИть* (Пм., Кшн.), *паттИть* и *пайтИть* (*куда мне паттИть* – Срг.), *саттИть* и *сайттИть* (*с мЕста ни саттИть – гаварЮ прАвду* – Лм., *с ума сайттИть* – Срг.), *уттИть* (*ни уттИть тибЕ из гастЕй* – Кшн.), *падаттИть* и *падайтИть* (Ст.). Отмечено также: *растИть* «расти» (*в агарОде зазилинЕт, фсѐ будет растИть* – Кшн.), *абаттИтца* «обойтись» (*мОжно бы с людьми харашО абаттИтца* – Срг.).

Распространение инфинитива типа *иттить* охватывает территорию западной диалектной зоны и южного наречия [Захарова, Орлова 1970: 54; Черных 1948: 52]. По наблюдениям Р. И. Аванесова, в говорах рязанской Мещеры «инфинитив от «иду» имеет на конце вторичное т': *иттИт', выІтит'...*» [Аванесов 1949б: 197]. В. Ф. Соловьев отмечает, что в говоре донских казаков «вместо «идти» часто говорят: «иттить» [Соловьев 1901: 15]. Инфинитивы типа *иттить, выйтить* свойственны среднерусским говорам [Захарова, Орлова 1970: 143; Обнорский 1953: 188], ряду акающих старожильческих говоров Среднего Приобья [Киселева 1968а: 280; 1968б: 108; Молотилов 1960: 222], а также отмечаются в языке семейских – старообрядцев Забайкалья [Юмсунова 2005: 106].

В сургутских говорах формы типа *иттить* следует рассматривать как привнесенные из южных и центральных губерний Европейской России. Вторичный суффикс *-ть* «появился после утраты языкового восприятия морфологической членности слова (*ит-ти – ид-ти*)» [Баранникова 1955: 383]. Формы *иттить, иттить* Л. А. Булаховский рассматривает как «случай нового усвоения окончания *-ть* в силу

затемнения этимологического состава слова — осознания *ити* частью корня» [Булаховский 1953: 210]. П. Я. Черных полагает, что форма *итить*, возникшая «из *идить* вследствие ассимиляции *д:т*, получила «осмысление» действительно как форма с двойным суффиксом инфинитива. Отсюда далее новообразование *ид-тить:итить* и вслед за тем аналогические образования от других глаголов» [Черных 1948: 54]. Форма *итти* стала восприниматься как основа, и к ней присоединился обычный суффикс инфинитива *-ть*, чему способствовало наличие постоянного ударения «на гласном элементе первичного инфинитивного суффикса» [Киселева 1968а: 281]. Распространение форм типа *нести, принести* в сургутских говорах приостановило процесс присоединения к ним вторичного суффикса *-ть*.

Отсутствие форм типа *иттить, растить* «расти» в березовско-обдорских говорах можно объяснить тем, что уже на начальном этапе их формирования принесенная частью первоначального населения южнорусская особенность подверглась воздействию со стороны более многочисленной группы населения — носителей севернорусского наречия.

Следует отметить, что специфически диалектные формы типа *иттить* сосуществуют в сургутских говорах с явлениями, сходными с литературным языком: *итти* (Срг., Тн., Ст.), *абатти* и *абайти* (Срг., Ст., Пл.), *патти* и *пайти* (Срг., Тн., Пм.), *притти* и *прийти* (Ст.). Как видим, двойное *т'*, возникшее в результате ассимиляции *й* с *т'*, еще сохраняется. Форма *итти*, встречающаяся в данных говорах, появилась в результате воздействия нормированного языка на диалектную речь. Оказывают влияние также соседние окающие старожильческие говоры Ханты-Мансийского и Кондинского районов.

Суффиксы *-сти, -сть*

Суффикс *-сти* в формах инфинитива в иртышско-кондинских говорах употребляется как в ударном (*грести, плести, вести, скрести, брести, сплести* и т. д. повсем.), так и в безударном положении после основы на корневой гласный: *сясти* (Чмб., Кн., Т-К., Уш.), *присясти* (нет секУнты *присясти* — Стн.), *крассти* (Сем., Юм.), *украсти* (Сл., Т-К.), *прясти* (Л-Ф., Чмб., Бт.), *клясти* (*за-шнёт йэво клясти* — Уш.), *попастти* (как *сёдни за йэртыш попастти* — Гп., как *ф сэль попастти* — Стн.), *клясти* (*йэды-то боле надо клясти* — Сух., *уш некуда клясти ремйо-то* — Елш.), *упастти* (Ц.), *пропастти* (Сух.), *йистти* (Б-Т., Ел), *прыйистти* (Х-М.).

Такие глаголы, как «*есть*», «*клясть*», «*сесть*», довольно последовательно сохраняют инфинитивную форму с безударным суффиксом *-сти* (*Исти* и *Ести, сЕсти* и *сясти, клясти*) в окающих старожильческих говорах южных районов Тюменской области [Жовтобрюх 1958: 194; Светлова 1965: 9; Цомакион 1960: 147]. А. М. Селищев указывает, что «по всем великорусским говорам Сибири сохранено в форме инфинитива сочетание *-сти* или *-с(т')*: *с'Асти, клясти, йис'...*» [Селищев 1920: 62]. Он подчеркивает, что формы инфинитива на безударное *-сти* в говорах Сибири «в большем распространении,

Город в произведениях Александра Чемакина выглядит уютным во всех ситуациях и при любых обстоятельствах. Каким-то непостижимым образом художник умудряется находить поэзию в разрушенных или недостроенных сооружениях, в провалившихся тротуарах и утопающих в грязи улицах, в разбитых стеклах и покосившихся заборах. Все, что ни происходит вокруг, для Чемакина — органичная и естественная история взаимоотношений города и человека, причем взаимоотношений очень теплых, без тени агрессии, злобы и недовольства. Здесь вы не найдете страданий по поводу уходящих в прошлое старых улочек, ожидающих сноса домиков, словно автор убежден, что даже разрушение обернется в будущем созиданием. Внезапный взгляд или длительное созерцание неожиданно открывают красоту самых неприглядных мест. Саше никуда не надо ехать, чтобы почувствовать, как необычен мир.

Город — удивительная среда, в которой могут случиться любые чудеса: самопроизвольно меняются масштабы зданий, лентой вытягивается пространство, а по знакомым улицам прогуливаются мультяшные герои. Город — это точка, из которой возможен выход в космос.

Подобный подход и умение увидеть нечто одухотворенное в обычных вещах словно передались по наследству сыну Александра Ивану Чемакину.

Он также умеет задержать взгляд на случайных предметах и ничего не значащих деталях. Умеет остановить внимание на подробностях, которые любой другой пропустил бы, посчитав это неважным. И вот апельсиновые корки на столе, загроможденный интерьер со старыми вещами напоминают о чем-то существенном, значительном. А среди всех мест на земле нет милее родного подъезда с обшарпанными стенами, потрескавшейся и обвалившейся с потолка штукатуркой и брошенными бумажными самолетиками.

чем на северо-востоке Европейской России» [Селищев 1968: 369].

В произношении гласного и в безударном суффиксе *-сти* в окающих говорах Ханты-Мансийского и Кондинского районов проявляется тенденция к сохранению формообразующего элемента инфинитива, так как в конечном сочетании [с'т'] согласный т' в этих говорах утрачивается. На это указывает то, что форма на *-ти* в основном сохраняется в исследуемых говорах только у глаголов на *-сти*. «Сохранению *-ти* после *с*, — пишет В. Н. Светлова, — благоприятствует тенденция изучаемых говоров к вокализации конца слова и ликвидация стечения согласных» [Светлова 1960: 144]. С. В. Бромлей формы типа *класти* в севернорусских говорах связывает с системой флексий, с фактами (*ходиТи, стАни, брОси*), свидетельствующими «о большой вокальной насыщенности звуковых цепей» [Бромлей 1983: 18].

В некоторых говорах Ханты-Мансийского и Кондинского районов по аналогии с глаголами типа *красти, украсти* суффикс *-сти* появляется у глаголов с основой на гласный на месте исконного *-ти* (или *-ть*): *брАсти, взЯсти* (Л-Ф.), *дрАсти* (*дрАсти тибЯ нЕкому* — Уш.), *плысти* (*оттУда далёко плысти* — Зв.), *прикрысти* (*наДо прикрысти чАшки от мух* — Пр.). Указанная диалектная черта отмечается в других окающих старожильческих говорах Сибири [Цомакион 1960: 147]. По наблюдениям А. М. Селищева, «в великорусских говорах Сибири это *-сти* или *-с'(т')*, как инфинитивное окончание, вытеснило собою старое окончание *-ти* после гласного корня: *вз'асти* или *вз'ас'(т')*, *достасти, добысти...*» [Селищев 1920: 62].

Наряду с формами на безударное *-сти* в иртышско-кондинских говорах возможны формы на *-сь*: *сясь* (*тибЕ нЕкуда сясь* — Гп.) и *сесь* (*сесь нЕгде* — Х-М.), *укрАсь* (*не мок он укрАсь* — Уш.), *клясь* (Л-Ф.), *попАсь* (*попАсь ключём немОжот* — Зв., как *попАсь тудА — машыны не ходят* — Стн.), *клась* (Сух.), *упАсь* (*не упАсь мне бы в вОду — мостОчки-то худы* — Ц.). Как отмечалось, конечное т' после свистящего согласного по общей норме не произносится.

В самаровских и кондинских говорах наблюдается параллельное употребление форм: *насясти* и *насясь*, *насесть* и *насеь* (Гп.), *сесть*, *сясь* и *сесь* (Кн.), *укласти*, *укласть* и *уклась* (Х-М.). Появление форм инфинитива на *-сть* объясняется воздействием литературного языка.

В сургутских и реже березовско-обдорских говорах в связи со смещением ударения на основу отмечаются инфинитивы на *-сть* (обычно на *-сь* в связи с упрощением конечного сочетания с'т'): *весть* (*зА руку йийО весть наДа* — Кшн.), *привЕсть* (Лм.), *атвЕсть* (*атвЕсть рибёнка ф сАдик* — Срг.) *плеть* и *плесь* (*плеть карзИну* — Кшн., *заставляли лАпти плесь* — Ст., *плесь касУ* — Б.), *заплЕсть* (Ст.), *греть* и *гресь* (*гресь сЕна* — Срг., Ч.), *згресь* (*згресь кашыИну* — Тн.), *бреть* и *бресь* (*вёрст пять пришлОзь бресь па кОчкам* — Лм., *куда мне бресь по болОтьям* — Ш.), *забрЕсть* и *забрЕсь* (Кшн., Лм.), *скреть* и *скресь* (*рАни наДа была пол*

скресь — Пм.) и под. Данное явление свойственно «южновеликорусскому наречию в целом» [Аванесов 1949а: 225; он же 1949б: 197]. Формы инфинитива без конечного ударенного и В. И. Чернышев фиксирует в говорах некоторых селений б. Московского уезда [Чернышев 1901: 27]. С. П. Обнорский устанавливает, что эти формы «были чужды севернорусскому наречию, но составляли типичную черту южнорусских говоров и полосы среднерусского наречия, а в границах его — в особенности Московщины» [Обнорский 1953: 181]. И надо полагать, что говору одной из групп первоначального населения бб. Сургутского и Березовского уездов была свойственна данная диалектная черта. Приведенный материал показывает, что более широко формы типа *привести* распространены в сургутских говорах, реже они встречаются в березовско-обдорских говорах, оказавшихся в силу исторических условий их формирования изолированными от основной территории сложения акающих старожильческих говоров Среднего Приобья (здесь среди первоначального населения было больше выходцев с северо-востока Европейской России).

Один раз отмечен инфинитив на -сти с переносом ударения на основу: *скрЕсти* и *скрИсти* (пол некрАшэный — *скрИсти* нАда — Б.). По-видимому, это контаминированная форма *скристи* + *скресь*. Но, возможно, это след того, что утрата конечного и происходила после передвижки ударения на основу (корень): *скрести* (*скристи*) > *скрЕсти* (*скрИсти*) > *скресь* > *скресь*. «Прежде чем получиться новым формам типа *бресь*..., — пишет С. П. Обнорский, — они должны были в инфинитиве звучать с перемещенным на основе ударением — как *брЕсти*..., откуда только и могли далее получиться формы *бресь* и под.» [Обнорский 1953: 182]. На закреплении форм типа *скресь* могло сказаться аналогическое воздействие инфинитивных форм типа *класть*.

В настоящее время в сургутских говорах под влиянием литературного языка и соседних самаровских говоров наблюдается процесс постепенной утраты форм типа *плесь* — появляются формы с ударением на конечное и: *гристи* (Ст., Тн.), *плисти* (Тн., Срг.), *смисти* (Кшн.), *скристи* (Срг., Кшн., Лм.), *бристи* (Срг., Тн., Пм.), *мисти* (Тн., Кшн., Ст.), *падмисти* (Срг.), *атвисти* (Кшн., Лм.). Особенно широко данные образования представлены в березовско-обдорских говорах.

Формы инфинитива на -сть во всех исследованных говорах в речи лиц разных возрастов могут употребляться с упрощением конечного сочетания [с'т'] в [с']. Например: *сесь* (ф клубе нЕкуда было *сесь* — Б., *сесь пасидЕть* — Срг.), *класть* и *клась* (Срг., Н-Нр., Ч., Ст.), *выпась* (Б., Ст.), *папАсь* (как *папАсь* к йимЯ — Тн.), *укрАсь* (Б., Лм., Шх.), *йись* (Б., Тн., Ш.) и *йисть* (Ш., Пл.).

Сергей Перепелкин — тоже давний тюменец. Он только родился в Ялуторовске. Вся его художественная жизнь связана с Тюменью. Город С. Перепелкина — зона отчуждения. Есть в графике художника какая-то метафизика. Действительно, уличные атрибуты — скамейка, телефонная будка, проявляются из белизны листа, словно образы сна, находящиеся по ту сторону физической реальности. Кажется, только что здесь был человек, за секунду до вашего взгляда он исчез с картинки. Люди становятся пленниками этого неподвижного пространства, не могут вырваться из застывшего времени. Впечатанные в вечность персонажи так и останутся сидеть за столом, а кровь из порезанного запястья так и будет сочиться в нескончаемой протяженности мгновения. Другие герои существуют в менее зловещей атмосфере, пытаются преодолеть ее, играя блюз, занимаясь своей работой. Так, в поле отчуждения возникает маленький, свой, замкнутый мирок, внутри которого безопасно, вполне уютно и даже весело. С. Перепелкина можно назвать созерцателем, но его пристальный взгляд не ищет скрытую красоту вещей. Обостренному восприятию художника реальность открывается со всей пугающей ясностью, во всей своей леденящей кристальной прозрачности.

Владимир Глухов приехал в Тюмень почти десять лет назад из Таджикистана. Душанбе (республиканское художественное училище), потом – Москва (институт им. Сурикова), Тюмень, Москва, снова Тюмень.

Ни здешний пейзаж, ни местный климат, ни темперамент жителей ничуть не повлияли на живописную манеру художника. Оргиастическая стихия цвета, вместе с тем колористическая изысканность – подобное сочетание могло возникнуть только на Востоке. И вот небо над Тюмёнью становится неузнаваемо ярким, красным или изумрудным, морозный воздух не серый и прозрачный, но плотный и синий. Все цвета, вроде, не соответствуют действительным, и кажется, что образ вымышленный.

Формы на -сь свойственны многим акающим говорам на территории Западной Сибири [Молотилов 1960: 222; Селищев 1920: 62]. По наблюдениям А. М. Селищева, в говоре семейских «обычно с'т' > с': атв'Ес', ипас'». «Во всех семейских, – замечает он, – говорят јис' (т') (есть). Как гласный и свидетельствует, этот инфинитив взят от «сибиряков» [Селищев 1920: 62].

Наряду с формами на -сь изредка встречаются инфинитивы с безударным -сти: сясь и сЯсти (Ш.), сесь и сЕсти (Срг., Ст., Тн.), йЕсти (Ст.) и йИсти (сЯли йИсти – М-А., дЕда, будеш йИсти? – Ш., йИсти нЕкава, нецЕ ни свАрина – Б.), пайИсти (Ш., Окт.). На появлении севернорусских архаических форм на безударное -сти в ряде сургутских и березовско-обдорских говоров сказалось воздействие окающих говоров Ханты-Мансийского и Кондинского районов. Инфинитивы сЯсти и йИсти в таком звуковом облике основы могли закрепиться и при начальном формировании данных говоров. Эти лексикализованные формы инфинитива употребляются лишь в речи лиц старшего возраста.

Суффиксы -чи, -чь

В русских говорах Ханты-Мансийского и Кондинского районов формы инфинитива от глаголов с основой на заднеязычный согласный (пек-ут, берег-ут) образуются с помощью суффикса -чи, обычно ударного: пекчи (Сел., Тр., Р.), испекчи (Сух., Стн., Х-М.), напекчи (Сем.), волокчи (Уш.), приволокчи (Бел., Нкл.), оболоччи (тепля оболоччи робЁнка-та – Т.), толкчи (Чмб., Елш.), истолкчи (К.), ростолкчи (З., Лш.), помокчи (Сух., Чмб., Шм.), роспрекчи (Бз., Бг., Ел.), запрекчи (Зв., Бт., Ел., Уш.), берекчи (Чмб., Елш., Чнт.), зберекчи (Гп., Л-Ф., Ц., Юм.), поберекчи (Бл.) и под.; ср. диалектные ошибки в письменной речи учащих: «запрягчи лошадку» (Бл., 3 кл.), «надо было достигчи цели» (Р., 6 кл.), «испекчи душистый хлеб» (Кн., 7 кл.), «сберегчи все самое дорогое» (Ц., 7 кл.), «надо было помогчи косить сено» (Гп., 4 кл.). В некоторых формах ударение на основе: жЭкчи (Кн., Лш., Р., Бт.), сЕкчи (Мл.), насЕкчи (насЕкчи тАлу нАдо – Л-Ф.), достИкчи (идЁт крУто, дак не могУ йэвО достИкчи – Уш.), сожЭкчи (так мОжно и дом сожЭкчи – Плв.), поджЭкчи (поджЭкчи стАю нЕ дали – Н-С.), стрИкчи (Чмб., Стн., Лш.), рожжЭкчи (Бз., Чмб.).

Формы инфинитива на -чи «с предшествующим вторичным к» наблюдаются во многих окающих старожильческих говорах Тюменской области [Жовтобрюх 1958: 149; Светлова 1965: 9], в других говорах Сибири [Молотилов 1960: 222; Селищев 1920: 62; Юмсунова 2005: 105]. Исключительное распространение форм инфинитива с суффиксом -чи и «с задненебным в конце основы: пекчи, берекчи» Г. А. Турбин относит к характерным чертам Среднеуральской группы [Турбин 1969: 33].

Формы инфинитива на -чи «с предшествующим вторичным к» свойственны «большой части северновеликорусских говоров» [Аванесов 1949а: 214]. Формы типа пекчи, берекчи Л. И. Баранникова считает сложным диалектным новообразованием, наблюдаемым «в севернорусском наречии, особенно в полосе Вологодско-Кировских говоров» [Баранникова 1955: 384]. Инфинитивы глаголов «от

основ на задненебный согласный» (с обязательным наличием задненебного в конце основы) являются характерными для говоров Костромской группы и южной части Вологодской группы северного наречия [Захарова, Орлова 1970: 114, 116]. Специфически севернорусские формы на -кчи, по свидетельству С. П. Обнорского, «выдаются широтой своего распространения в Северной (Арханг. и Олон. губ.), особенно же в Вологодско-Вятской (Костр., Вятск., Пермск. губ.) группе севернорусского наречия» [Обнорский 1953: 187-188].

В материнских говорах (вологодских, пермских, вятских и др.), послуживших основой для иртышско-кондинских, «появление к в инфинитиве есть результат влияния диалектных форм наст. вр. с последовательным сохранением заднеязычного, вызвавшего контаминированную форму инфинитива на кчи (пеку и печи дало пекчи)» [Баранникова 1955: 384]. По мнению С. П. Обнорского, «формы на -кчи — новое комбинаторное образование из основной формы на -чи, явившееся в результате скрещения с темами соответствующих глаголов в формах наст. вр.: пеку и т. д. при печи привели к новой форме инфинитива пекчи» [Обнорский 1953: 187]. О проникновении заднеязычного согласного в формы типа печи в говорах метрополии свидетельствует то, что там в одних и тех же говорах бывают представлены формы типа пекчи и формы без к (печи). «Но замечательно то обстоятельство, — подчеркивает С. П. Обнорский, — что сосуществование тех и других форм падает лишь на территорию чистых севернорусских говоров, совершенно не встречаясь в границах среднерусского наречия» [Обнорский 1953: 187]. Заметим, что в самаровских и кондинских говорах формы инфинитива без к не зафиксированы. Поэтому надо полагать, что формы на -кчи были вынесены с северо-востока Европейской России. Они являются устойчивыми и встречаются в речи всех возрастов.

Следует отметить, что элемент -чи в иртышско-кондинских говорах воспринимается диалектоносителями как формант инфинитива, о чем свидетельствует возможность образования инфинитива на -чи от глаголов, имеющих в конце основы настоящего времени не заднеязычный согласный: ушыпчи (недолго и ногу ушыпчи — Чмб., не ушыпчи бы тибя — стоиш на дороге-то — Л-Ф.), грепчи (потходит уш времё сено грепчи — Уш.), згрепчи (кто тибя помок сено-то згрепчи — Уш., до дождя бы згрепчи — трава-та давно высохла — Зв.). Однако лексически данное явление ограничено указанными формами.

Иногда параллельно с формами инфинитива на -кчи встречаются формы на -чь: берекчи и беречь (Х-М.), пекчи и печь (Бз.), помокчи и помочь (Т-К.), зажэкчи и зажэчь (Шм.). Суффикс -чь начинает усваиваться под влиянием нормированного языка и соседних говоров по нижней Оби.

Но очень уж убедительно пишет В. Глухов. Фантазия ли это, реальность ли, сон или явь, миф или истинная история — не скажет и сам художник. Как его герою Васе видится в пивной пене богиня Афродита, так автору видится в пене дней завораживающий образ Востока. Этот образ не соотносится с реальным пространством, не имеет географических координат, он — мечта, воспоминание. Поэтому он дробится, множится, проявляется в тысяче обликов и может предстать не только красавицей с персидскими глазами, торговцем на рынке, Ходжой Насреддином, но легко обернется тюменским алкашом Васей, прикорнувшим у гаражей, пассажиром в городском троллейбусе, домом над оврагом. Так, у каждого из художников существует свой миф города, сотканный из воспоминаний, воображения и представлений, принимаемых за объективные. Кто-то хочет удержать в памяти город своего детства, кто-то ищет сходства с городом мечты. Кто-то срывает покров идеализации, а кто-то, напротив, считает, что место, в котором живешь, и есть центр мира.

Т. И. Борко

В сургутских и березовско-обдорских говорах глаголы с основой на заднеязычный образуют инфинитивы на -чь: *печь* (Срг., Кш., Н-Нр.), *испЕчь* (Ст., Ч., Л.), *напЕчь* (М-А., Плн., Шр., Шх.), *наталОчь* (Лк.), *лечь* (Срг., Ст., Окт., Кш.), *прилЕчь* (Л., Н-Нр., Пм.), *памОчь* (Пл., Срг., Ст.), *распрЯчь* (Кшн.), *запрЯчь* (Лм.), *збирЕчь* (Акс., Б., Ч., Ш.), *стирЕчь* (Акс., М., Ст.), *пастирЕчь* (Пм.), *сажЭчь* (Б.), *зажЭчь* (Акс., М., Пл.), *насЕчь* (Тн., Н-Нр., Ш., Плн.), *рассЕчь* (Ст., Ч.) и под.

Распространение инфинитивов с суффиксом -чь при основах на заднеязычный согласный (*печь, сечь, берЕчь*), «в основном характерно для южного наречия» [Аванесов 1949а: 225; Захарова, Орлова 1970: 143]. Закрепившаяся южнорусская черта в сургутских и березовско-обдорских говорах была поддержана позднее воздействием литературного языка.

Изредка наряду с формами на -чь в данных говорах встречаются инфинитивы на -кчи: *пекчи* (Окт., Ш., Ст.), *испекчи* (Н-Нр., Окт.), *берекчи* (Ст.), *стрикчи* (Окт.), *жЭкчи* (Н-Нр.). Можно полагать, что инфинитивные диалектные образования на -кчи у непродуктивных глаголов с основой настоящего времени на заднеязычный согласный в сургутских и березовско-обдорских говорах заимствованы у носителей самаровских и кондинских говоров, где формы инфинитива типа *пекчи* получили широкое распространение и встречаются не только в тех случаях, когда на суффикс падает ударение, но и в безударном положении (*острикчи, достикчи* и под.). Заметим, что формы инфинитива на -кчи в говоре забайкальских старообрядцев (семейских) А. М. Селищев относит к чертам, заимствованным у старожилов-сибиряков [Селищев 1920: 62; он же 1968: 287].

Выводы

1. В системе инфинитивных форм в русских говорах Северного Зауралья диалектной вариативностью характеризуются суффиксы -ти / -ть (*паднести / паднЕсть; патрести / патрЕсть*), -ти / -тить (*итти / иттиТЬ, натти / наттиТЬ, расти / растиТЬ «расти»*), -сти / -ть (*забрести / забрЕсть, плести / плестЬ*), -чи / -чь (*испекчи / испЕчь, берекчи / берЕчь*).

2. Возникновение диалектных и других вариантов инфинитивных форм в русских говорах по нижней Оби (сургутских и березовско-обдорских) вызвано взаимодействием разносистемных диалектов в период их формирования, влиянием литературного языка и специфически внутренних процессов, имевших место в данных говорах.

3. В системе инфинитивных форм рассматриваемых говоров имеются как архаические черты (например, наличие в иртышско-кондинских говорах конечного безударного *и* в суффиксах -ти и -сти: *подогрЕти, слЕсти, грЫсти; сЯсти и сЕсти*), так и диалектные новообразования, пополняющие ряды вариативных форм. Например, употребление суффикса -чи (*волокчи, помокчи*) в иртышско-кондинских говорах и -тить (*уттиТЬ, саттиТЬ*) в сургутских (в связи с появлением вторичного элемента инфинитива -ть у глагола *итти* и производных от него). По аналогии установились такие формы, как *взЯсти, дрАсти*. Фонетически в говорах возникли диалектно не замкнутые формы типа *клась, упась*.

4. В русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша, Конды и Оби под влиянием литературного языка происходит постепенное вытеснение диалектных форм. В говорах не отмечено ни одной специфически диалектной формы, которая бы не получила добавочного литературного варианта (*уклАсти – уклАсть, зажЭкчи – зажЭчь; принЕсть – принести, скресть – скрести, паттиТЬ – пайти* и др.), все глубже внедряющегося «в диалектную систему, производя в ней изменения, расшатывая и разрушая ее» [Киселева 1968а: 162].

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

Березовский район

Б. — Березово
Плн. — Полноват
Шх. — Шаховская

Кондинский район

Ал. — Алтай
Бг. — Богданы
Бл. — Болчары
Б-Т. — Большой Тап
Елш. — Елушкина
К. — Кама
Кн. — Кондинское
Лш. — Леуши
Мл. — Мулымья
Н. — Назарово
Нкл. — Никулкина
Н-С. — Новая Силава
Плв. — Половинка
Стн. — Сотник
Т-К. — Три Конды
Уш. — Ушья
Чнт. — Чантырья
Шм. — Шаим
Юм. — Юмас

Октябрьский район

М-А. — Малый Атлым
Н-Нр. — Нижние Нарыкары
Окт. — Октябрьский
Ч. — Чемаши
Ш. — Шеркалы

Приуральский район

Акс. — Аксарка
Л. — Лабытнанги

Слх. — Салехард

Сургутский район

Кшн. — Кушникова
Лк. — Локосово
Лм. — Лямина
Пл. — Пилюгина
Пм. — Пим
Срг. — Сургут
Ст. — Сытомино
Тн. — Тундрино

Ханты-Мансийский район

Бел. — Белогорье
Бз. — Безьяны
Бт. — Батово
Гп. — Горноправдинск
Ел. — Елизарово
З. — Зенково
Зв. — Заводные
Л-Ф. — Лугофилинская
Р. — Реполово
Сел. — Селиярово
Сем. — Семейка
Сл. — Слушка
Сух. — Сухорукова
Т. — Тюли
Тр. — Троица
Х-М. — Ханты-Мансийск
Ц. — Цингалы
Чмб. — Чембакчина

Шурышкарский район

Кш. — Кушеват
М. — Мужы
Шр. — Шурышкары

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1949а.
Аванесов Р. И. Очерки диалектологии рязанской Мещеры. 1. Описание одного говора по течению р. Пры // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1949б.
Баранникова Л. И. К вопросу об отношении грамматического строя территориальных диалектов к грамматическому строю общенародного языка // Учен. зап. Саратовского пед. ин-та. Вып. XVII. Саратов, 1955.
Бромлей С. В. Лингвистическое содержание понятий «центральные» и «периферийные» говоры // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования: Сборник научных трудов. Кемерово, 1983.
Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Т. II (Исторический комментарий). 4-е изд. Киев: Радянська школа, 1953.
Жовтобрюх М. А. Морфологические особенности зауральских говоров русского языка // Учен. зап. Черкасского гос. пед. ин-та. Т. XII. Сер. историко-филологических наук. Вып. 4. Черкассы, 1958.
Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970.
Киселева О. Н. Морфологическая система русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1968а.

- Киселева О. Н. К вопросу о диалектном членении говоров Томской области // Вопросы русского языка и его говоров: Труды Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева. Т. 197. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1968б.
- Молотилов А. Говор русского старожильского населения Северной Барабы (Каинского уезда, Томской губ.) // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960.
- Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М.: АН СССР, 1953.
- Светлова В. Н. Особенности глагольных форм в некоторых говорах восточных районов Свердловской области // Учен. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. Кафедра русского языка. Вып 1. Тюмень, 1960.
- Светлова В. Н. О некоторых фонетических особенностях говоров Тюменского района // Вопросы современного русского языка и диалектологии. Тюмень, 1965.
- Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
- Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1 // Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968.
- Соловьев В. Ф. Особенности говора донских казаков // Сборник ОРЯС имп. АН. Т. 62. № 2. СПб., 1901.
- Толстая С. М. Праславянские типы глагольных основ и их лексическое распределение в русских говорах // Проблемы современной русской диалектологии: Тезисы докл. междунар. конф., 23-25 марта 2004 г. М., 2004.
- Турбин Г. А. Вопросы группировки говоров Южного Урала // Материалы науч. филологической конф. вузов Уральской зоны. Свердловск, 1969.
- Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Ч. 1. Красноярск, 1960.
- Черных П. Я. О формах *итти, идти, итить, идить* // Доклады и сообщения филологического факультета. Вып. VII. М.: МГУ, 1948.
- Чернышев В. И. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда // Сборник ОРЯС имп. АН. Т. 68. № 3. СПб., 1901.
- Юмсунова Т. Б. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

ВЕРА
ДМИТРИЕВНА
ЛЮТИКОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ДЕРЕВНИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются различные вопросы, связанные с формированием и существованием диалектной личности, а именно: социокультурное пространство деревни, диалект как необходимое условие народной культуры, сохранность нормативности в диалекте, способность носителя диалекта к продуктивной речевой деятельности.

Социокультурная среда является важным фактором формирования языковой личности. В данном исследовании учитывается, что вся народная культура является диалектной. О культурной значимости диалектов замечательно сказал немецкий лингвист Л. Вайсгербер: «Диалект — это языковое открытие родины... Независимая ценность диалектов состоит в том, что они дают гармонию